

Н.В. Ракуц

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ
ПОЛОЖЕНИИ АМЕРИКИ
И ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ
В УЧЕНОЙ СРЕДЕ ИСПАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.**

Как известно, открытие Америки стало тем поворотным моментом, который коренным образом изменил средневековый взгляд на мир и его обитателей. Новый континент совершенно не вписывался в восходящие еще к античности географические представления о делении Земли на Европу, Азию и Африку. К тому же населявшие Америку народы казались до того не похожими на всех, известных ранее, что возник даже вопрос: а люди ли это вообще? (Впрочем, ситуация по мере накопления новых знаний менялась, иногда достаточно быстро.) Разумеется, пока вслед за Колумбом вновь открытые земли считали частью Азии, подобного вопроса не возникало. Раз Колумб открыл, согласно его утверждениям, восточную окраину Азиатского материка, т.е. в широком смысле то, что называли India Orientalis, то живут там «индийцы», – азиаты. Однако последующие открытия изменили это представление и положили начало полемике о Новом Свете, которой была суждена долгая жизнь.

В данной статье мы рассмотрим, каким представляли себе географическое положение Америки по отношению к другим частям света и что думали в связи с этим о происхождении ее коренного населения образованные испанцы (а также те, кто так или иначе был связан с Испанией – по долгу службы, например) и креолы – белые уроженцы испанских колоний в первой половине XVII в. Избранный период интересен тем, что как раз тогда велась наиболее активная полемика по указанным вопросам, высказывались прогрессивные взгляды и суждения. Позже наступает стагнация; развитие теоретической мысли останавливается, новых, свежих идей уже не появляется.

В результате многочисленных экспедиций, следовавших за собственно открытием нового континента, географические знания об Америке, пусть и отрывочные, накапливались быстро. К концу XVI – началу XVII в. они приняли достаточно определенную форму, серьезные коррективы в них смогли внести уже только открытия второй половины XVIII в.

В выработке географических представлений о Новом Свете весьма активно участвовали те, кто избрал Америку своим местом жительства – навсегда или на длительный срок. Тем более что земли Индий, как называли американские колонии Испании, по мере их завоевания становились базами, откуда отправлялись экспедиции для исследования еще неизученных территорий – как собственно американских, так и весьма от них отдаленных. К первым относились, например, плавание к матерку с Антильских островов; экспедиции, обследовавшие по приказу Э. Кортеса Калифорнию (к 1540 г.); поиски «семи городов Сиволы» на юго-западе современных США (1540–1542), плавание Ф. Орельяны по Амазонке (1542 г.), П. Сармиенто де Гамбоа к Магелланову проливу (1579–1580) и др., ко вторым можно отнести плавание к Филиппинам, экспедиции Менданы в 1568 г. и Кироса в 1606 г. к островам Меланезии и др.¹

Накопление географических знаний позволяло решить целый ряд проблем, интересовавших креолов – испанцев, родившихся уже в Америке. Они не могли оставаться равнодушными к зародившейся вскоре после открытия Америки полемике о Новом Свете, ибо именно географией многие объясняли тогда явную, как им казалось, неполноценность американской природы, климата, населения². Пока дело касалось только индейцев – еще куда ни шло. Но креолы быстро поняли, что все

«минусы» американской географии будут распространяться и на них как на родившихся «не в том климате», дышащих «не тем воздухом», живущих «не под теми звездами» и т.д.

И действительно, разве не писал испанец Х. Лопес де Веласко в своей «Geografia y descripción de las Indias» в начале 70-х годов XVI в.: «...хотя их считают испанцами, они, креолы, вырастают, значительно отличаясь от них по цвету кожи и физическому облику... они изменяются не только в физическом отношении... с изменением тела меняется и дух»? Ему вторил спустя 20 лет севильский врач Х. де Карденас («Primera parte de los problemas y secretos maravillosos de las Indias»): «Нет человека, который...не заметил бы с первого взгляда, кто гачупин (испанец), и кто родился в Индиях»³. Вот почему перед образованной частью креолов (прежде всего перед креольским духовенством) и теми испанцами, которые восприняли креольское мироощущение (опять-таки это были в первую очередь священники, особенно проповедники, долго жившие среди индейцев и креолов), встала задача: убедительно доказать как полноценность Америки в качестве географического целого, так и индейцев. Ведь тем самым они доказывали и собственную полноценность.

Противоречие между «испанским» и «креольским» взглядами на Америку не могло не оказать (и действительно оказывало, как будет видно из дальнейшего) определенного воздействия на формирование географических и тесно с ними связанных, говоря современным языком, «этногенетических» теорий.

В чисто географическом смысле был важен вопрос: как расположена Америка по отношению к другим частям света? Для нас интересно, почему нет убедительных доказательств того, что Америка была известна до Колумба? (Мы сознательно опускаем здесь прочие, связанные с географией проблемы: климат, флору, фауну Америки, так как это отдельные, большие темы.) Попытаемся определить, что могли знать об этом образованные испанцы и креолы в рассматриваемое нами время.

Прежде всего одно замечание. Сейчас уже нет оснований считать, что жители американских городов получали схоластическое образование, как это еще недавно представлялось. Конечно, церковные дисциплины преобладали во всех колледжах и университетах, но этим оно все же не ограничивалось. В монастырских и университетских библиотеках имелись книги по самым разным отраслям знаний (образованность среди прочих прочих духовных братств выделялись иезуиты, чьи учебные заведения считались тогда лучшими в Америке). Были и частные библиотеки, в которых имелись как печатные книги, так и – в еще большем количестве – рукописи⁴. С приходившими из метрополии кораблями поступали и новости. Что-то запоминалось, что-то записывалось. Конечно, наиболее полную информацию получали клирики, хотя далеко не все в равной мере. То, что знали они, становилось достоянием общества в целом, так как образование находилось, все-таки, под контролем церкви. О том, насколько широкими могли быть познания креола в XVII в., несмотря на все цензурные ограничения испанских властей, мы получим представление, разбирая данные хроники А. де ла Каланчи, временем издания которой мы намеренно ограничили рамки нашего исследования (она была опубликована в 1638–1639 гг.).

Эпоха великих открытий в Испанской Америке фактически завершилась вместе с эпохой больших завоеваний, т.е. к середине XVI в. Однако и последующие открытия в Тихом океане, Азии и Атлантике, так или иначе имевшие отношение к определению географического положения Америки, не были оставлены без внимания образованными людьми в метрополии и колониях. Постепенно вырисовывалась следующая картина.

Испанцы и португальцы в то время уже знали, что Южная Америка по форме близка к треугольнику, острие которого направлено на юг, а основание через перешеек Центральной Америки переходит в Мексику. Достаточно хорошо были известны Антильские острова. Более или менее точные сведения имелись о крупнейших реках – Амазонке, Ориноко, Паране, Магдалене и др. (по крайней мере о той или иной части каждой из них), а также о чилийском архипелаге, окрестностях Огненной Земли,

расположении Андских горных хребтов. Но географические карты отражали эти знания отнюдь не полно. Часто на них имелись искажения. Так, знаменитая карта Ортелия конца XVI столетия дает неточные контуры Южной Америки, т.е. уступает в этом отношении более ранним картам; крупнейшие реки бассейна Ла-Платы – Уругвай, Парагвай, Парана, Пилькомайо – на ней перепутаны, горы обозначены весьма произвольно, озера, например Титикака, не показаны. Множество погрешностей были присущи и другим картам того времени. Причин тому много. Это и попытки совместить данные картографов с литературными источниками, и непроверенные сведения, включая прямые вымыслы и плоды воображения. Играла свою роль, хотя и в небольшой мере, засекреченность морских карт (впрочем, эти секреты достаточно легко добывались и публиковались).

Отчасти недостатки и искажения на картах, конечно, можно объяснить и тем, что тогда требования к точности и пониманию таковой были иными, чем в настоящее время. Европа, по выражению Э. О'Гормана, «изобретала» Америку⁵, и период этого изобретательства еще не закончился. Северные области, исследовавшиеся испанцами далеко не столь интенсивно, были им известны значительно хуже, чем южные. Картограф отбирал данные, казавшиеся ему наиболее достоверными, и их использовал, прочие игнорировал. Только так можно объяснить, например, почему пролив, открытый Ф. Дрейком к югу от Огненной Земли, несмотря на издание в конце XVI в. повествования о его плавании (причем с картой), далеко не сразу был «признан» картографами⁶. Постепенно сложившееся убеждение, что открытый континент изолирован от всех других, носило весьма относительный характер, особенно в отношении Южного полушария. Однако оно не основывалось на конкретных доказательствах ввиду отсутствия таковых.

Экспедиции Фробишера, Дэйвиса и Гудзона в конце XVI – начале XVII в. не обнаружили ни так называемого Северо-западного прохода из Атлантики в Тихий океан, ни твердых доказательств того, что Америка соединена с Европой. Азия же, как тогда верили в соответствии с воззрениями эпохи средневековья, отделена от Америки неким проливом Аниан. Однако эти убеждения не являлись всеобщими, поскольку были тогда недоказуемы. Поэтому наиболее осторожные авторы, затрагивая географическую тематику, ссылались на то, что очень многое еще неизвестно. Немалую роль при составлении карт играл и психологический фактор.

Расстояний между континентами точно не знали, а качество наблюдений, при имевшихся в то время инструментах оказывалось весьма низким, что приводило к появлению карт, где континенты если и не вплотную, то весьма близко были расположены друг к другу. К тому же европейцам – как южанам, так и выходцам из Англии и Скандинавии, было, видимо, очень трудно смириться с идеей пустынного океана. И картографы щедро «населяли» его мифическими островами, о существовании которых знали в лучшем случае по слухам. И это даже тогда, когда истинное положение дел было известно. Например, испанцы после плавания Урданеты от Филиппин к Мексике в 1565 г. знали, что в Тихом океане между 35° и 45° с.ш. нет ни одного значительного острова, но это совершенно не мешало географам других стран помещать здесь острова, поскольку свои открытия испанцы часто держали в секрете. Плавания Менданьи и Кироса, открывших острова Меланезии, укрепили тогдашних географов в убеждении, что обнаружены окраины огромного материка (*Terra Australis Incognita* или *Magallanica*), за один из выступов которого принимали Новую Гвинею, а за другой – Огненную Землю. То, что спутник Кироса Торрес определил, что Новая Гвинея – остров, а Ф. Дрейк доказал то же относительно Огненной Земли (1578 г.), или не принималось во внимание, или довольно долго оставалось неизвестным.

Важно отметить, что Япония на картах тогда показывалась значительно севернее, чем это есть на самом деле. В отношении же Северной Атлантики положение было еще хуже: Гренландия обычно представлялась непомерно большой, нередко как полуостров Европы, или же как расположенный очень близко от нее остров, тем более что частью Гренландии считали, например, архипелаг Шпицберген. Гренландия и

Шпицберген вместе с мифическими островами – Фрисландией, Эстотиландией, Грокландом (они наряду с другими островами – результат неточных наблюдений, когда мореплаватели обнаруживали новую землю там, где, как им казалось, предшественники или не были, или не увидели ничего, а также когда за новые острова принимался полуостров Лабрадор, и т.п.) образовывали что-то вроде моста между Европой и Америкой. Верить или не верить в такую географию как в XVI, так и в XVII в. становилось делом того, кто эти данные использовал. Немалую путаницу в картографию внесла опубликованная в середине XVI в. «Книга Дзено»⁷ о приключениях венецианцев в Северной Атлантике, якобы посетивших земли этого «моста» в XIV в. Ортелий ей верил.

Один из самых серьезных авторов того времени Х. де Акоста считал Америку органической частью системы континентов и утверждал, что многое еще предстоит открыть, особенно в приполярных областях⁸. Тем не менее некоторые общие контуры Америки и ее положение по отношению к прочим частям света к началу XVII в. в целом уже более или менее определились. До изменений в представлениях относительно приполярных зон оставалось ждать экспедиций Д. Кука и В. Беринга.

Проблемы американской географии имели самое непосредственное отношение к попыткам разрешить другой важнейший вопрос: каково происхождение американских индейцев? Ведь карты должны были сыграть тут немалую роль. Палская булла 1537 г. объявила индейцев «настоящими людьми»⁹. Но одно дело – декларации и совсем другое – доказать неопровержимость этого положения, наполнить его конкретным содержанием, хотя бы ради укрепления авторитета папы. Ведь «общественное мнение», глашатаями которого были испанские колонисты в Америке, утверждало как раз обратное. Да и картографы еще в XVII в., украшая свои произведения разного рода изображениями жителей и природы континентов, в иерархии частей света неизменно отводили Америке наряду с Африкой низшую позицию как региону странному, населенному дикарями, причудливыми животными и т.д.¹⁰ Это означало, что необходимо «вписать» индейцев в контекст библейской исторической традиции и античной историографии, т.е. проделать работу, аналогичную той, которую вели миссионеры христианства на заре средних веков, возводя свои народы к выходцам из Трои, потомкам Гога и Магога и т.п. И все это в условиях, когда древняя письменная традиция, прямо упоминавшая индейцев и Америку, начисто отсутствовала.

Авторам, стоявшим на позиции признания справедливости положений папской буллы, требовалось прежде всего обосновать происхождение индейцев от Адама и Евы (вразрез с мнением колонистов, считавших, что индейцы – слуги сатаны, так как их обычаи и обряды слишком странны и ужасны, они предаются всем мыслимым грехам и т.д.)¹¹. Эта проблема разрешалась путем сопоставлений. Начало методу положил Б. де Лас-Касас в своей «Apologética Historia Sumaria»¹² (1550 г.). Следовали ему в этом на протяжении столетия и другие авторы, вплоть до уже упоминавшегося А. де ла Каланчи. Сравнения же доказывали, причем весьма наглядно, что обряды и верования, аналогичные индейским, в Старом Свете были хорошо известны в древности, когда составлялась Библия и писались труды античных авторов.

Гораздо сложнее решались вопросы о том, откуда пришли индейцы в Америку и каково их происхождение. Раз их предки, согласно Библии, находились в числе тех, кто спасся от всемирного потопа, то заселение Америки могло произойти лишь после потопа и представителями какого-либо известного в древности народа. Правда, в мифах самих индейцев, например проживавших в районе оз. Титикака, утверждалось, что там имелось и «допотопное» население¹³, но коль скоро оно, согласно тем же мифам, было сим бедствием уничтожено, его не приходилось принимать в расчет. В крайнем случае известному мифу можно было подыскать какую-нибудь библейскую аналогию¹⁴, а возможные расхождения с ней объяснить забвением со временем истинных событий или наущением дьявола.

Те, кто брался за выяснение происхождения индейцев, не могли не представлять себе чрезвычайной сложности стоящей перед ними задачи – в первую очередь в связи

с недостатком (если не сказать отсутствием) источников. Этим объясняется тот факт, что брались на веру самые туманные намеки или иносказания из книг античных авторов (например, трагедия Сенеки «Медея», где он предсказывал, как считалось, открытие новых земель¹⁵, сведения Аристотеля о карфагенских плаваниях в Атлантике и др.), а также из Библии. Если что и было ясно авторам колониальной эпохи, так это то, что индейцы в Новый Свет, безусловно, откуда-то переселились¹⁶. Ведь иначе «вписать» их в библейскую историю всемирного потопа и последовавшего за этим заселения земель заново оказывалось невозможно. Для того чтобы быть «людьми», индейцы должны были происходить, конечно, либо от Адама, либо от сыновей Ноя. А Ной обитал на Ближнем Востоке. Таким образом, вывести предков индейцев откуда-то из тех земель представлялось по крайней мере логичным.

В гипотезах о происхождении индейцев недостатка не было. Саму проблему поставил еще в 1511 г. П. Мартир де Англерея, когда писал «Декады Нового Света». Он считал Америку Офиром царя Соломона¹⁷, хотя и не утверждал это однозначно, ссылаясь на мнение Х. Колумба. Непосредственно происхождения индейцев Англерея не касался, но отметил, что они схожи со скифами своим подвижным образом жизни. Позднее мореплаватели А. Веспуччи и королевский хронист Г. Фернандес де Овьедо полагали, что индейцы своим внешним видом и обычаями похожи на татар. Когда же стали известны результаты плавания Магеллана, Овьедо понял, что Америка – не Азия, и рассматривал в качестве ее первооселенцев карфагенских моряков (ведь еще Аристотель писал, что они открыли некие острова в океане и пробовали там поселиться) либо даже обитателей древней Испании, которые во времена некоего короля Геспера переплыли океан. Третьих возможных претендентов на заселение Америки он видел в атлантах Платона¹⁸.

Ф. Колумб, сын первооткрывателя, раскритиковал теории, предложенные Овьедо, однако это мало что изменило. Из авторитетных авторов того времени, писавших об Америке, карфагенскую теорию принял Г. Бенцони, как и многие итальянцы на испанской службе, немало поездивший по Америке (его книга вышла в Венеции в 1565 г.)¹⁹. В поддержку происхождения индейцев от атлантов (со ссылками на описанные Платоном обычаи) выступили Ф. Лопес де Гомара, А. де Сарате, П. Сармьенто де Гамбоа. Последний в своей книге «Historia Indica» (1572 г.) добавил к предкам индейцев еще и моряков Одиссея, чтобы объяснить «факты», не укладывавшиеся в «теорию атлантов», а именно якобы греческие слова в языке индейцев Мексики и греческие одеяния последних²⁰.

Б. Лас-Касас в «Апологетике» писал об индейцах как о выходцах из Индии, но эта идея популярной не стала, равно как и другая – об их китайском происхождении, предложенная португальцем А. Гальвау (1555 г.), который ссылаясь на внешнее сходство и аналогии в обычаях индейцев и китайцев²¹.

Получило распространение еще одно мнение – о происхождении индейцев от упоминаемых в Библии «пропавших коленах израилевых». Его приписывают Б. Лас-Касасу, что неверно: он лишь разделил эту точку зрения²². А кто был ее автором – еще вопрос. В 1566 г. данная идея была в форме предположения высказана епископом Юкатана Д. де Ландой, который, впрочем, сам считал ее сомнительной²³. Годом позже указанную выше гипотезу изложил в своей книге нидерландец Й.Ф. Лумниус, к нему присоединились хронограф Г. Женебрар, а также служившие в Мексике священники Д. Дуран и П. Перальта. Последний, правда, выдвигал и альтернативные гипотезы: карфагенские моряки, египтяне, эфиопы и ханаанеи, по его мнению, также могли оказаться предками индейцев. Ряд перуанских церковных деятелей разделяли «израильскую» теорию, но больше тяготели к объяснению происхождения индейцев от потомка Ноя Офира. Наиболее известный сторонник этой теории – К. де Бальбоа считал (1586 г.), что в Америку люди пришли из Месопотамии через Дальний Восток. Он категорически отвергал карфагенскую и израильскую теории, из-за неправомерности предлагаемых ими аналогий (якобы присутствие в индейских языках еврейских слов и т.п.)²⁴.

Бросается в глаза, что фактическая база всех изложенных «теорий» была весьма слаба, в них преобладала чистая умозрительность. Так, в индейских языках «по созвучию» обнаруживали слова каких угодно других языков – греческого, еврейского, испанского и т.д. Стоит ли удивляться, что новые гипотезы множилось, как грибы после дождя²⁵. Первая попытка научно объяснить происхождение индейцев была предпринята только в конце XVI столетия иезуитом Х. де Акостой. Его книга «Historia natural y moral de las Indias» (1590 г.) положила начало одной научной традиции. Если до него авторы, касаясь происхождения индейцев, говорили: «Мне кажется...» и т.п., то для Акосты первым стал вопрос о том, как мог человек, учитывая размещение суши на земной поверхности, прийти в Америку. Не сомневаясь в библейском рассказе о происхождении людей, он полагал, что за отсутствием прямых свидетельств и с учетом древности обитания человека в Новом Свете, которую он определял в тысячи лет, решить эту проблему можно, лишь опираясь на доводы разума, тем более что прежние объяснения его не удовлетворяли²⁶.

Итак, люди могли попасть в Америку морем или по суше. Морем, если их унесло бурей или если они плыли с намерением открыть новые земли. Однако, как считал Акоста, свидетельства о плаваниях такого рода в древности нет. К тому же тогда еще не был известен компас²⁷, что делало подобное предприятие маловероятным из-за обширности океана, особенно при случайном заселении. Сколько должно было быть таких случайностей, чтобы в итоге появились те многочисленные и разнообразные индейские народы, которые обнаружены в Америке? И как могли морем попасть в Новый Свет все необычные животные, там живущие? Акоста полагал, что никто из переселенцев не стал бы брать с собой в плавание пум, ягуаров и других животных, да еще заботиться в дороге о подобном зверинце на борту. Вплыв же преодолеть океан животные не могли.

Все это приводит Акосту к выводу, что Старый и Новый Свет не отделены полностью друг от друга и что где-то на еще неоткрытых пространствах севера и юга могут быть земли – связующие звенья между континентами. Справедливо отмечая малую исследованность Арктики, он ссылался на существующее мнение, будто земля тянется непрерывно от Флориды на север чуть ли не до Европы²⁸. Да и севернее мыса Мендосино в Тихом океане о протяженности земли, как указывал Акоста, ничего толком не известно, хотя кое-кто утверждает, что и там берег простирается далеко на север.

В районе Южного полюса, по мнению Акосты, о расположении земли так же известно мало: «Кто может сказать, насколько далеко тянется земля по ту сторону Магелланова пролива?»²⁹. Этот вопрос свидетельствует о том, что он не очень-то доверял известным картам – например, того же Ортелия, показавшего как раз там огромный Южный континент, включавший и Новую Гвинею, и Огненную Землю. Согласно представлениям Акосты, в последнем случае было бы легко объяснить, как люди и звери, понемногу продвигаясь по суше, попали из Старого Света в Новый. Если же континенты все-таки не смыкаются, то расположены они, очевидно, весьма близко друг к другу³⁰ и переплыть с одного на другой нетрудно. Подтверждается это и тем, что нигде в Индиях не было больших кораблей, а в древности к тому же плавали лишь недалеко от берегов. С учетом сказанного Акоста отверг гипотезу о происхождении индейцев как от атлантов Платона (ему он просто не поверил, предпочтя Плиния), так и от «пропавших колен израилевых». В последнем случае книга Ездры, сообщающая об исходе, – апокриф, а потому доверия, по его мнению, не вызывает. К тому же она говорит, что беглецы уходили от язычников, дабы сохранить свой закон и веру, в Америке же иудаистов не обнаружено, да и письменности индейцы не знают³¹.

Не верит Акоста и мифам индейцев, повествующим о потопах, так как не уверен, что речь идет о том самом – библейском – потопах³². Не имея возможности точно установить происхождение индейцев, он полагал что их предки – дикие охотники, гонимые голодом и перенаселенностью, которые, проникнув несколько тысяч лет назад в Америку, перешли к земледелию и создали гражданские законы. Поэтому

простое сравнение индейцев с другими народами, согласно Акосте, ничего не дает для выяснения их происхождения.

Труд Акосты – для своего времени наиболее научный – продемонстрировал недостатки прежних попыток решения проблемы происхождения индейцев и наметил возможные пути появления в Америке человека: 1) через некий сухопутный мост, в районе Анианского пролива между Азией и Америкой, 2) через Северную Европу и Гренландию или 3) через Южный континент³³.

Хотя Акоста не выдвинул новых критериев для исследования проблемы, но без учета его труда дальнейшая работа над ней стала уже невозможна. Тем более что книга Акосты стала широко известна, поскольку неоднократно переиздавалась. С ней можно было хотя бы спорить. Естественно, кто-то мог воспользоваться методом, и ныне хорошо известным, – «не заметить» эту работу. Гипотезы об атлантах и Офире потеряли свою популярность, однако карфагенскую гипотезу продолжали отстаивать и в начале XVII в., в том числе такие известные авторы, как А. де Эррера и Р. де Лисаррага (последний просто игнорировал Акосту)³⁴.

Впрочем, А. де Эррера в своей книге «*Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y Tierra-Firme del mar oceano*» (1596 г.) в целом поддержал теорию Акосты как возможную. Его не устраивала лишь идея о культурной самобытности Америки. Он допускал, что раз, по мнению некоторых, Гренландия и Эстотиландия (здесь это Лабрадор) соединены, то из Норвегии и Лапландии можно почти целиком сухопутным путем достичь Америки, что подтверждают общие обычаи, одежда и цвет кожи лапландцев, норвежцев и эстотиландцев³⁵. Эту идею поддержал и живший в Мексике инженер Э. Мартин, бывавший в Курляндии. Он пришел к заключению, что курляндцы и мексиканцы, судя по всему, один и тот же народ по своему типу. В Америку он попал через Анианский пролив³⁶.

На рубеже XVI–XVII вв. несколькими изданиями выходит книга итальянца Д. Ботеро «Всемирные реляции...»³⁷, пользовавшаяся большой популярностью. Автор, много путешествовавший по поручению Ордена иезуитов, часть своей работы посвятил Америке, в том числе первым поселенцам³⁸. Находясь под явным влиянием Акосты, Ботеро тем не менее не отвергал и других мнений. Так, он принял гипотезу Эрреры о возможности заселения Америки из Скандинавии через Гренландию (правда, он мог прийти к той же идее и самостоятельно или просто развил положение Акосты), но считал, что таким образом прибыла только часть переселенцев, другие же пришли через Южный континент, называемый им Магелланикой. На приложенных к книге Д. Ботеро картах континенты расположены друг к другу еще ближе, чем в атласе Ортелия, как бы демонстрируя легкость возможных переселений³⁹ (например, непомерно вытянута в широтном направлении огромная Гренландия). Если идея о заселении из Магелланики и не получила в дальнейшем признания, то причина скорее всего была довольно проста: поскольку частью этого континента считалась Новая Гвинея, то, судя по присутствию там папуасов, населен он должен был быть чернокожими людьми, а индейцы не таковы⁴⁰.

В 1607 г. выходит из печати посвященная проблеме происхождения индейцев книга Г. Гарсия «*Origen de los indios de el Nuevo Mundo e Indias Occidentales*», положившая начало новой традиции, противоположной аковской. Ее краеугольным камнем был не критический подход к источникам. Гарсия, 9 лет проживший в Перу, изучил все прежние теории и пришел к выводам, пожалуй, абсурдным даже для того времени, но, как это ни удивительно, впоследствии многими принятым. Он договорился до того, что в древности совершались длительные плавания и без компаса, хотя еще Ной должен был знать его. Свидетельства античных авторов, считает Гарсия, указывают на то, что Америка была им известна. В целом можно сказать, что Гарсия принял все бытовавшие тогда теории о переселении индейцев как возможные: Карфагена, Офира, Атлантиды, Испании (последние три, к тому времени уже почти забытые, он «воскресил»), Китая, Греции, Финикии... И всем этим теориям он находил подтверждения – в обычаях, ритуалах, языке.

Любопытно, что Гарсия, пожалуй, первым на «высоком научном уровне» отметил, что узелковое письмо, сходное с инкским кипу, было известно и в Китае. Однако, считая индейцев потомками переселенцев из разных стран, Гарсия своими штудиями более всего способствовал популярности гипотезы об их происхождении от «пропавших колен израилевых» и от ханаанеев. И Книга Ездры помогла ему сделать заключение, что они, пройдя либо через Татарию и Монголию, либо через Китай, достигли Америки, переплыв пролив Аниан. Прежнюю веру они утратили в пути, усвоив солцепоклонничество. А в Америке из-за смены климата у них и бороды перестали расти⁴¹.

Гарсия оживил полемику по индейскому вопросу, хотя его собственные построения стали особенно популярны в Испании уже во второй половине XVII в. Труды Гарсии особых результатов сразу не дали, так как большинство старых теорий тогда уже успели утратить поддержку ученых. Еще «держались» разве что карфагенская, офирская, испанская, однако теперь особенно популярной благодаря Гарсии становятся еврейская и ханаанейская. Последующие авторы, если хотели быть объективными, учитывали не только труд Акосты, но и книгу Гарсии, что часто вело их к полемике с последним⁴².

Вскоре после выхода книги Гарсии теорию о «десяти коленах» оспорил мексиканский священник Х. де Торкемада. Он считал более вероятным возводить индейцев лишь к одному из этих племен – к упоминаемому в Библии племени Иссахара. Впрочем, отмечал он, индейцы – очень разные, в том числе и внешне; сходство их обычаев с таковыми у других народов ничего не доказывает. Торкемада присоединился к мнению Акосты, что предки индейцев пришли в Америку по суше или вдоль берегов, через северные или южные приполярные области, отметив, что произошло это очень давно, потому и свидетельств не осталось⁴³.

Идеи об иудейском или ханаанейском происхождении индейцев приобрели большую популярность, но причины ее, пусть и скрытые, были связаны с политикой: эти идеи как бы давали испанцам и креолам моральное право эксплуатировать индейцев, ибо евреи, как известно, – враги Господа, а ханаанеи, согласно Библии, были прокляты и обречены на тяжелый труд как рабы Израиля. Именно следствием этого считал рабское положение индейцев П. Симон, живший в Новой Гранаде (совр. Колумбия). Солидаризируясь с Торкемадой по вопросу о происхождении индейцев, он не отрицал и карфагенскую теорию. П. Симон не сомневался, что человек впервые появился в Америке еще до потопа. Доказательством ему служили обнаруженные в Мексике и Перу кости людей-гигантов (на самом деле это были кости древних животных), которые погибли именно во время потопа⁴⁴.

В целом можно сказать, что в первой половине XVII в., при сохранении позиций тех, кто отстаивал прежде выдвинутые теории, достаточно большой авторитет приобрели идеи о миграции из Палестины (хотя и не обязательно ею все ограничивалось) и о северном пути как достаточно вероятном⁴⁵. Таким образом, можно говорить об известном преобладании акостовской традиции, по крайней мере в ученой среде испанцев и креолов. Правда, признавалось, что многие вопросы еще нуждаются в изучении – например, как установить существование связей или родства между людьми разных континентов, едины индейцы по происхождению или нет и др.

Трудом, который как бы завершил период благотворного влияния идеи Акосты на научную мысль Испании и Испанской Америки стала хроника А. де ла Каланчи. Особенность ее в том, что это была первая в Перу хроника, созданная автором-креолом, которую напечатали. Правда – в Испании⁴⁶.

А. Каланча, писавший хронике деяний Ордена августинцев в первую очередь в Перу, естественно, лишь небольшую часть своего труда уделил таким темам, как общая география Америки и происхождение американских индейцев. Будучи по-своему патриотом Перу, представителем передовой части креольского общества того времени, он не мог пройти мимо этих тем. Поэтому Каланча, безусловно, тщательно изучил состояние проблемы по доступным ему источникам (будучи

официальным хронистом своего ордена, он имел свободный доступ практически к любым материалам). Критиковать Каланча старался обоснованно, с «блеском», ибо много лет прослужив проповедником, хорошо владел искусством полемики. Его критику не стали оспаривать даже цензоры – испанские прелаты. Тем более что доказательства он подбирал весьма тщательно как в трудах своих предшественников, так и в Священном Писании.

Каланча не считал нужным обсуждать после Труда Акосты такие гипотезы происхождения индейцев, как карфагенская или испанская. Но, будучи по своим воззрениям «акостовцем», он сосредоточил внимание как раз на теориях, выдвинутых последователями и противниками Акосты, – ханаанейской и еврейской (очевидно, в силу присущей именно им, как отмечалось ранее, некоей политической подоплеки, т.е. тесной связи с вопросом о справедливости рабской эксплуатации индейцев).

Разбирая географические проблемы в контексте вопроса о происхождении индейцев, Каланча, безусловно, основывался прежде всего на атласе Ортелиа, хотя, очевидно, не обошел вниманием и карты из «Книги Дзено» и из изданий Ботеро, поскольку обоих авторов он цитирует⁴⁷. В этом разделе хроники вопросы географии Америки и происхождения ее коренного населения представляют неразрывное целое. Нельзя не учитывать и того факта, что, рассматривая вопрос о происхождении индейцев, Каланча наверняка имел в виду прежде всего близкую ему самому креольскую проблематику. Он не мог не знать, что именно «вредным влиянием» индейских воспитателей кое-кто был склонен объяснять некоторые черты креольского характера⁴⁸. Поэтому «очеловечить» индейца в глазах образованной публики для него было то же, что «обелить» креола. И как профессионал-проповедник он не мог этого не понимать.

Прежде всего вслед за Симоном и другими Каланча, ссылаясь на Библию и находки гигантских костей, утверждает, что люди жили в Америке еще до потопа – ведь Адаму и Еве было предписано заселить всю землю. Но он выступает категорически против теории ханаанейского происхождения индейцев: те, кто утверждает это, по его мнению, плохо читали Библию. Ведь индейцы на ханаанеев ничем не похожи. Далее он с иронией вопрошает: как ханаанеи могли попасть в Индию? Ведь у них не было кораблей для таких путешествий, а пешком через всю Азию, Новую Гвинею, Соломоновы острова или же через Европу, Гренландию, Эстотиландию идти так далеко не имело смысла. Следов еврейского происхождения индейцев, как полагал Каланча, также обнаружить невозможно. То, что они якобы бежали в Америку после пленения их ассирийцами, как верят некоторые, – нереально, поскольку ассирийцы просто не дали бы им уйти. Ни в обычаях, ни в сказаниях индейцев нет следов их еврейского происхождения, а мнение о проходе евреев перед миграцией через Татарию и вместе с татарами в Америку и вовсе ни на чем не основано, поскольку ничего не известно о присутствии евреев в Татарии.

Не менее решительно расправился Каланча и с версией о китайском происхождении: немногих индейцев, по его мнению, видели, те, кто умудрился счесть их китайцами. К тому же у последних есть письменность, а у индейцев нет. Никаких оснований не имеется, как считает он, и для отождествления Америки с Офиром царя Соломона.

Нельзя не отметить в связи с этой критикой, что Каланча, являясь до известной степени последователем Лас-Касаса (к нему он относился весьма уважительно), хотя и не был апологетом индейцев, но все же ощущал особую связь с теми, кто, по его словам, «дал нам, креолам, родину». Поэтому ханаанейскую и еврейскую теории, оправдывавшие рабское положение индейцев и потому «удобные» для оправдания их притеснений испанцами и креолами, он принять не мог. А вот то, что индейцы до прихода европейцев были «чистыми» язычниками (а вовсе не иудеистами), обращенными в результате усилий миссионеров, в первую очередь августинцев, в истинную веру, он доказывал на огромном числе фактов, собранных теми же миссионерами.

Но критиковать предшественников – не значит решить вопрос. И Каланча,

безусловно, знакомый с сочинениями, в которых индейцы по образу жизни и облику сравнивались с татарами, выдвигает тезис об их татарском происхождении. Причем он пытается подкрепить эту идею этнографическими, как мы сказали бы, аналогами. Их Каланча нашел в образе жизни и внешнем облике, например, чилийских арауканов доиспанского и колониального времени. Арауканы, считал он, имели сходство с татарами, в частности по цвету кожи, подвижному образу жизни, отсутствию единоначалия и т.п. Он намеренно не заострял внимания на сходстве верований и обрядов. Рассмотрев его детальнее в другой работе, он не мог не заметить, что эти аналогии ничего не доказывают, так как относятся к совершенно разным народам. Своей же территориальной близостью к Америке татары, по мнению Каланчи, более, чем далекие обитатели Палестины, подходили на роль возможных переселенцев в Америку.

Что касается пути, которым переселенцы пришли в Америку, то Каланча также считал наиболее вероятным северный, включая возможную миграцию через Скандинавию и Гренландию. Он явно был знаком с сочинением Мартина, считавшего значимыми параллели в облике и культуре жителей Прибалтики и Северной Америки, ибо приводит те же сравнения и даже допускает альтернативу: переселенцами были либо татары, скандинавы, лапландцы и курляндцы. Впрочем, это для Каланчи не столь важно, поскольку он считал, что и лапландцы, и курляндцы произошли от татар. Карты Ортелиа, Дзено, Ботеро давали более чем достаточно оснований для такого предположения. Каланча даже полагал, что после потопа не было никакого пролива, а единый массив суши простирался от Татарии до Чили. Южный же путь он, напротив, считал сомнительным, опираясь на данные недавнего плавания голландцев Схаутена и Ле-Мера, что, вероятно, заставило его сомневаться в существовании Южного континента в том виде, как он очерчен на карте Ортелиа⁴⁹.

Каланча, таким образом, синтезировал в своем труде все лучшие достижения традиции, созданной Акостой, и в то же время продемонстрировал ее слабые стороны (впрочем, противники Акосты имели их куда больше), включая за неимением лучшего использование в качестве доказательства методов церковной проповеди. Пойдя далее других в своих заключениях, он тем не менее, как и его предшественники, не мог достаточно убедительно обосновать собственные доводы. Но это вполне естественно: фактов имелось еще недостаточно, а одной логики тут было мало. Сегодня мы знаем, что идеи «акостовцев» относительно заселения Америки и исходных мест миграции, а также о достаточно большой древности этого континента отчасти подтвердились (хотя и по сей день спорных вопросов осталось много), но отсутствие единого подхода (Акоста отрицал сравнительный метод, другие пользовались им в недостаточной степени) ограничивало их возможности. А признание того, что биологические и культурные корни народов могут быть разными, еще не пришло. Поэтому победа акостовской традиции была кратковременной, да иначе тогда и не могло быть.

Можно говорить, что влияние Акосты доминировало в ученой среде, но сравнительно недолго – с 1613 по 1638 г. Работы Каланчи, Торкемады, Симона свидетельствовали о том, что креолы активно воспринимали взгляды Акосты, и лучшие их представители разделяли его теорию, что было тесно связано с формированием креольского патриотизма. Несколько позднее рост патриотизма креолов привел к появлению в 1650 г. весьма знаменательной книги А. де Леон Пинело «Рай Нового Света». Используя, хотя и довольно своеобразно, идеи сторонников Акосты, Пинело «развил» их до того, что попытался строго в рамках традиционной учености исправить саму библейскую традицию. В итоге его изысканий оказалось, что рай находился вовсе не на Ближнем Востоке, а в Амазонии; первые люди на земле жили именно в Перу, в Азию же они попали уже в Ноевом ковчеге, а после потопа через северные земли частью вернулись в Америку⁵⁰. Однако эта «ультрапатриотическая» книга, интересная сама по себе как показатель растущего осознания себя креолами как особой общности, не могла остановить уже происходивший процесс переориентации мнений в ученой среде Испании и ее колоний.

Идеи Акосты убедили далеко не всех. Взгляды креолов и испанцев на географическую и индейскую проблемы, отличавшиеся пестротой и противоречивостью, едиными так и не стали. Труд Каланчи завершил эпоху подъема рационализма в изучении этих проблем. Затем наступила эпоха стагнации – сначала в Испании, потом и в Америке. Тот факт, что важнейший исторический труд Б. Кобо «Historia del Nuevo Mundo», написанный несколько позже, не был опубликован, означало торжество традиции Г. Гарсии. Отсутствие убедительных доказательств; распространенное мнение, что раз испанцы смогли открыть Новый Свет, то до них это могли сделать и другие; доверие, часто излишнее, к античным авторам; «удобство» ханаанейской и израильской версий происхождения индейцев для тех, кто их эксплуатировал, в том числе и креолов; стойкое восприятие мира индейцев как мира нецивилизованного, не изменившееся, а даже усугубившееся, как ни парадоксально, после процесса христианизации – все это «работало» на сторонников Гарсии. Неслучайно в 1729 г. его труд был переиздан в новой редакции с примечаниями, и если сам Гарсия в свое время насчитал всего 12 возможных кандидатов в индейские предки, то теперь их число удвоилось, причем из новых вариантов 10 были основаны на идее трансатлантической миграции⁵¹.

Примечания

¹ Об этих экспедициях см.: *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II. М., 1983.

² Так считали, например, хронист Г. Фернандес де Овьедо и др. См.: *История литератур Латинской Америки.* М., 1985. С. 169.

³ Цит. по: *История литератур Латинской Америки.* С. 240.

⁴ О библиотеках см., напр.: *Hampe Martínez T.* Lexicografía y cultura. Diccionarios de lenguas europeas e indígenas en las bibliotecas del Perú colonial (siglos XVI–XVIII) // *Langues et cultures en Amérique espagnole coloniale.* Colloque international. Univ. de la Sorbonne Nouvelle. Paris. III. 1991. P., 1993.

⁵ *O’Gorman E.* The Invention of America. 1961. Цит. по: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1992. С. 397.

⁶ О знаниях испанцев и португальцев об Америке раннеколониального времени см.: *Maguidovich I.P.* Historia del descubrimiento y exploración de Latinoamérica. Moscú, s.a. P. 240–245.

⁷ *Рамсей П.* Открытия, которых никогда не было. М., 1977. С. 169; *Дитмар А.Б.* От Птолемея до Колумба. М., 1989. С. 201.

⁸ *Acosta J. de.* Historia natural y moral de las Indias. Barcelona, 1591. P. 20–21, 47. О том, как медленно менялись знания об этих районах, и об их исследовании см.: *Рамсей П.* Указ. раб.

⁹ См., напр.: *История литератур Латинской Америки.* С. 145.

¹⁰ См.: *Mignolo W.* Putting the Americas on the Map // *Colonial Latin American Review.* 1992. V. I. № 1–2.

¹¹ *История литератур Латинской Америки.* С. 138–139; *Duviols P.* La destrucción de las religiones andinas. México, 1977. P. 55.

¹² См.: *Serrano y Sanz M.* Historiadores de Indias. V. I. Madrid, 1909.

¹³ Например, мифы о божестве Виракоче, сотворившем людей, записанные многими авторами.

¹⁴ Именно такого рода построения привели к возникновению нового мифа – об апостольской христианизации Америки на заре н.э., который мы здесь не рассматриваем, так как это выходит за рамки нашей темы.

¹⁵ Так, его цитирует Ф. Лопес де Гомара (1551): См.: *López de Gómara F.* Historia general de las Indias. V. I. Barcelona, 1954. P. 368–369.

¹⁶ *Стуцгл М.* Индейцы без томагавков. М., 1971. С. 27.

¹⁷ *Mártir de Angleria P.* Décadas del nuevo Mundo. V. I. México, 1964. P. 105.

¹⁸ *Fernández de Oviedo G.* Historia General y Natural de las Indias. V. I. Madrid, 1851. P. 14, 17; *Hiddleston L.E.* Origins of the American Indians. European Concepts, 1492–1729. Austin/London, 1967. P. 5–19; *Gerbi A.* Nature in the New World. From Christopher Columbus to Gonzalo Fernández de Oviedo. Pittsburg, 1989. P. 274, 276.

¹⁹ *Benzoni G.* La Historia del Mundo Nuevo. Caracas, 1967. P. 33.

²⁰ *López de Gómara F.* Op. cit. P. 369; *Zúrate A. de.* Historia del descubrimiento y conquista del Perú // *Crónicas de la conquista del Perú.* México, s.a. P. 505–508; *Sarmiento de Gamboa P.* Historia de los Incas. Madrid, 1988. P. 29–30, 34, 37–38.

- ²¹ *Las Casas B. de.* Op. cit. P. 53–54; *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 19–34.
- ²² О Лас Касасе как об авторе данной гипотезы см., напр.: *Кнорозов Ю.В., Еришова Г.Г.* Диего де Ланда как основоположник изучения культуры майя // *Iberica Americans.* СПб., 1991. С. 85. Возражения против авторства см.: *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 23.
- ²³ *Ланда Д. де.* Сообщение о делах в Юкатане. М., 1994. С. 110.
- ²⁴ *Cabello Valboa M.* *Miscelánea Antártica.* Lima, 1951. P. 92–94, 101, 165; *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 36.
- ²⁵ *Laming-Empeaire A.* Le probleme des origines americaines. P., 1980. P. 7–14. Исследовательница отмечает ряд гипотез, выдвигавшихся в разное время, но не получивших особого распространения: происхождение индейцев от моряков пропавшего флота Александра Великого, от финикийцев, ассирийцев, египтян, троянцев, греков, римлян, скифов, гуннов, викингов, индийцев, басков, португальцев, французов, кельтов, африканцев, мальгашей, не говоря уже о версиях, перечисляемых в тексте статьи.
- ²⁶ *Acosta J. de.* *Historia natural y moral de las Indias.* Цит. по: *Palerm A.* *Historia de la etnologia.* P. 1. Los precusores. Mexico, 1982. P. 252.
- ²⁷ *Ibid.* P. 253.
- ²⁸ *Acosta J. de.* Op. cit. P. 48.
- ²⁹ *Ibid.* P. 20.
- ³⁰ *Ibid.* P. 47–50.
- ³¹ *Palerm A.* Op. cit. P. 260; *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 51.
- ³² *Palerm A.* Op. cit. P. 260; *Acosta J. de.* Op. cit. P. 55.
- ³³ *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 51–53.
- ³⁴ *Lizárraga R. de.* Descripción breve de toda la tierra de Perú, Tucumán, Rio de la Plata y Chile // *Serrano y Sanz M.* Op. cit. V. II. P. 485.
- ³⁵ *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 56–58.
- ³⁶ *Ibid.* P. 58–59.
- ³⁷ В данной работе использовалось издание: *Botero G.* *Relazioni universali.* Venetia, 1607–1608. P. IV.
- ³⁸ О Ботеро и его книге подробнее см. *Вреден Э.* Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. СПб., 1866.
- ³⁹ *Вреден Э.* Указ. раб. С. 67–68, 155, 159; *Botero G.* Op. cit.
- ⁴⁰ *Магидович И.П., Магидович В.И.* Указ. раб. С. 307.
- ⁴¹ Цит. по: *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 60–74.
- ⁴² *Ibid.* P. 79–84.
- ⁴³ *Torquemada J. de.* Los veinte i un libros rituales i monarquia Indiana. V. I. Madrid, 1723. Ff. 23–26, 30; *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 86–87, 97.
- ⁴⁴ *Simón P.* Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales. Bogota, 1981. V. 1. P. 146–148, 152–155.
- ⁴⁵ *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 87–89, 99.
- ⁴⁶ *Calancha A. de la.* *Corónica moralizada del Orden de San Augustín en el Perú con sucesos egenplares vistos en esta monarquia.* Barcelona, 1638.
- ⁴⁷ *MacCormack S.* Antonio de la Calancha. Un agustino del siglo XVII en el Nuevo Mundo // *Bulletin Hispanique.* 1982. T. LXXXIV. № 1–2. P. 74; *Дитмар А.Б.* Указ. раб. С. 201.
- ⁴⁸ *Torero A.* El quechua y la historia social andina. La Habana, 1980. P. 203.
- ⁴⁹ Развернутая аргументация перечисленных доводов приведена Каланчей в его хронике: *Calancha A. de la.* Op. cit. Ff. 35–45.
- ⁵⁰ *León Pinelo A. de.* El Paraiso en el Nuevo Mundo. Lima, 1943. V. I. P. 125–134, 207–222. V. 2. P. 417–431, 519–532.
- ⁵¹ *Hiddleston L.E.* Op. cit. P. 101–109.

N. V. R a k u t z. Notions of the geographical location and origins of the population of America in the scholarly medium of the Spanish colonial empire of the early half of the 17th century

This article examines the notions that developed in Spain and Spanish America concerning the geographical location of the newly discovered continent and origins of its aboriginal inhabitants. The insufficient knowledge of both America and the adjoining areas was responsible for the asserted view that the isolation of the New World from the Old one was rather relative and that the continent was probably not unknown in ancient times. Such a view had a direct bearing on the ideas concerning origins of the Indians to whose ancestors very different peoples were ascribed proceeding before all from the data of Bible and of the ancients. A number of hypotheses (Israeli, Canaan, etc.) were also an attempt to «explain» the causes of the enslavement of the Indians. The nearest to a scientific interpretation of the problem was the theory of the Indians' ancestors migration from Asia through the North which was suggested by H. da Costa in the late 16th century and was later developed by his followers. Consolidation of that theory was hindered not only by the shortcoming of its research method as such but also by the general situation of that era – the theories of Acosta's adversaries were more «convenient» for the Spanish colonial empire.